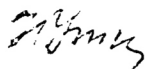

Q 777729

На правах рукописи

Уткина Надежда Вениаминовна

ФЕНОМЕН ДЕВИАНТНОЙ НАУКИ

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Киров – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре философии и социологии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Юлов Владимир Федорович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Шемякинский Владимир Михайлович

кандидат философских наук, доцент
Попов Юрий Петрович

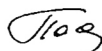
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Вятский государственный
университет»

Защита состоится 26 июня 2009 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Автореферат разослан «25» мая 2009 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

Н. И. Поспелова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000557971

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. У науки, как особого вида познавательной деятельности, направленного на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, сложилась своя система познавательных идеалов. Эти идеалы стали канонами, ибо они присущи всей истории науки и присутствуют в любом современном исследовании. Необходимо признать, что в истории культуры возникли формы знания, отклоняющиеся от научных стандартов и искажающие образ подлинной науки: псевдонаука, паранаука, лженаука, квазинаука. Их совокупность мы объединяем понятием «девиантная наука» (от лат. *deviatio* – отклонение). В представленной работе в качестве синонимов термина «девиантная наука» будут использоваться понятия «псевдонаука» и «паранаука». Затем от синонимичности мы перейдем к различию.

Важной особенностью современной девиантной науки является её практико-ориентированная направленность, принадлежность к практической сфере, сложным образом сочетающейся с познавательной деятельностью. В рамках традиционных словарных определений данного термина этот признак прежде не выделялся. Обычно по контексту употребления подчеркивалось, что девиантная наука представляет собой деятельность, имитирующую науку, но по сути таковой не являющуюся. Отмечалось также, что она стремится следовать целям науки с нарушением тех или иных требований научности, в результате чего возникает иллюзорное знание, лишь внешне подражающее истинному научному знанию. Сегодня такое представление о девиантной науке является недостаточным и потому весьма уязвимым.

Актуальность разрабатываемого исследования обусловлена резким ускорением процесса регенерации двойников науки. На данный момент содержательная научная критика таких форм знания весьма редко бывает эффективной. Она не приводит к исчезновению девиаций, а стимулирует обновление их содержания, которое, обновившись, остается таким же девиантным. Современные девиантные науки, как правило, регенерируются очень быстро, «учитывая замечания» относительно частных отклонений от норм науки. Они быстро корректируют свои содержательные потери, заимствуя (чаще всего именно от наук) новейшие подходы и идеи.

Следует отметить, что имитация научно-познавательного процесса «сомнительными» с точки зрения традиционной методологии образования наносит репутации науки серьезный ущерб. Девиантные феномены похожи на вирус, который чужд науке, но маскируется под нее и, внедряясь в науку, может привести к опасным деформациям ее исследовательской деятельности (В. С. Степин). Таким образом, необходим детальный анализ нарушений стандартов научности, представленных аморфным разнообразием. Отсутствие четкой классификации форм девиаций науки является одной из причин обращения к теме исследования.

Необходимость обнаружения всевозможных отклоняющихся от норм научного исследования течений, которые выдвигают неоправданные

претензии на научный статус, демаркация их от подлинной науки и составляет содержание данного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В философии науки такой сложный и противоречивый феномен, как девиантная наука, остается недостаточно изученным. В отечественной и зарубежной литературе рассматриваются в основном вопросы, касающиеся определения границ научного познания. Данный подход традиционен для теории познания и имеет длительную историю, восходящую к античности и не завершенную до нашего времени.

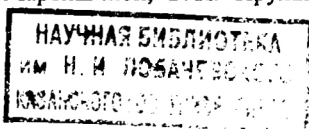
В эпистемологии XX века были предложены различные решения проблемы демаркации научного познания зарубежными и отечественными авторами: Л. Б. Баженовым, М. Бунге, Р. Е. Буттсом, В. В. Ильиным, А. Грюнбаумом, Г. Н. Дерри, Р. Карнапом, П. Китчером, Т. Куном, И. Лакатосом, В. А. Лекторским, Р. Мертоном, М. Полани, К. Поппером, Г. Райшем, Д. Ротбартом, П. Тагардом, В. С. Степиным, Г. Фоллмером, А. В. Юревичем, П. Янихом и др. В их работах демонстрируется ограниченность универсализма критериев научности, возможность их неполной реализации в конкретных познавательных актах.

Философские принципы научного познания, ценности, идеалы и нормы научного исследования, их динамику анализируют Й. Агасси, Б. Алтерс, Д. Баумслаг, П. Вайнгартнер, Р. Н. Гир, П. Грим, М. Девитт, Г. П. Дюрр, А. А. Ивин, А. В. Кезин, Л. Лаудан, Б. Лаут, Е. А. Мамчур, Н. В. Мотрошилова, Б. А. Старостин, В. С. Степин, М. Тидельманн, Р. А. Уильсон, А. Фишер, В. М. Шемякинский, В. Ф. Юлов, М. Юнг и др.

Альтернативные науке формы познания рассматриваются Дж. Холтоном, В. П. Филатовым и др. Их работы и научные труды П. Фейерабенда посвящены изучению плюрализма знания как внутри науки, так и за ее пределами, неоднозначности линий демаркации между наукой и иными формами познавательного освоения действительности.

Отдельные особенности методологии девиантной науки исследуются в работах Е. Б. Александрова, Л. А. Ашкинази, К. П. Иванова, М. Бунге, М. В. Волькенштейна, В. Л. Гинзбурга, В. Б. Губина, А. Дерксена, Г. Дюрра, А. И. Китайгородского, С. Криппнера, Э. П. Круглякова, П. Курца, С. С. Кутателадзе, А. Лугга, А. Б. Мигдала, Р. Л. Морриса, М. К. Муссо, Ю. Ф. Орфеева, Б. И. Пружинина, В. Г. Сурдина, П. Тагарда, Т. Райнляйна, М. Рицля, Р. Туомелы, Ю. Сердюкова, С. О. Хансонна, Дж. Цимана, М. Чернова, М. Шермера, Г. Л. Эберляйна, Е. Эйдельмана и др. Выделенные этими авторами характеристики представляют собой индикаторы отклонений от принятых норм науки. Причинам появления девиантных образований посвящены работы Г. Абелева, В. Б. Губина, К. П. Иванова, П. Курца, В. М. Найдыша, Н. И. Мартишиной, В. С. Степина, А. В. Юревича и др.

Относительно устойчивые отклоняющиеся от норм науки формы знания и их взаимодействие с наукой проанализированы А. А. Ивиным, В. В. Ильиным, В. А. Леглером, Н. И. Мартишиной, Б. И. Пружининым, В. П. Филатовым.

В работах В. И. Дынича, М. А. Ельяшевича, И. Т. Касавина, В. П. Кохановского, В. А. Леглера, М. Манера, Н. И. Мартишиной, Е. А. Толкачева, Л. М. Томильчика, В. П. Филатова, Дж. Холтона, С. П. Щавелева предложены классификации видов девиантного знания, описаны механизмы его динамики.

Однако работа по осмыслению и по выработке общей концепции этого многоаспектного феномена еще только начинается. Предпосылки девиантной науки рассматриваются в основном как социально-психологические, а их когнитивная база не выявлена должным образом. Объект познания (девиантное знание) обозначен, но концептуализирован не в полной мере, категориальный аппарат для его типологизации и анализа разработан еще недостаточно.

Объектом исследования является девиантная наука.

Предметом исследования выступает многообразие форм девиантной науки как особого познавательного феномена и их сопоставление с подлинной наукой.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении и теоретическом осмыслении особенностей девиантной науки.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) определить систему основных критериев научного познания, отличающих науку от практического и мировоззренческого типов познания;
- 2) выделить общее когнитивное содержание девиантной науки на основе выработанной системы критериев науки;
- 3) оценить и проанализировать ведущие нормативные отклонения, которые составляют содержание девиантной науки;
- 4) разработать перспективную классификацию основных форм девиантной науки.

Методологической основой исследования являются идея науки как особого типа познания, отличного от практического познания и мировоззрения, анализ и интерпретация текстов классиков философии и науки, метод сопоставления (сравнение форм знания с научным знанием с точки зрения философских принципов и норм научного исследования), системно-деятельностный анализ ведущих нормативных сдвигов девиантной науки, некоторые принципы и приемы герменевтики, использование структурно-логической схемы в качестве изображения классификации основных форм девиантной науки, а также экспертный метод.

Научная новизна исследования заключается в единстве поставленных задач, методов их решения и полученных результатов:

– выявлено системное отличие науки от других типов познания – практики и мировоззрения; представлен авторский подход к основным критериям научного познания, позволяющий проводить относительно четкую демаркацию науки от девиантных форм знания;

- разработана общая концепция девиантной науки, которая объединяет многообразие различных отклонений от основных норм научного исследования в относительно целостную систему;
- представлены типичные девиации подлинной науки, рассмотренные в контексте соответствующих критериев научного познания;
- выявлена тенденция к доминированию форм девиантного знания со слабыми отклонениями от познавательных ценностей науки над формами с сильными деформациями последних; разработана классификация основных форм девиантной науки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сутью любого типа познания является его ценностное ядро. В ходе исторического развития науки сложились ее познавательные идеалы и нормы. Ведущими критериями являются: познание ради знания, поиск новых специализированных истин, связь теории с эмпирией, объективность истины, логическая и эмпирическая обоснованность, требование рациональной точности теории, прогресс новизны и степени общности знания, признание нового знания дисциплинарным сообществом. Все нормы организуются в онтологические, эпистемологические, методологические, семантические, аксиологические блоки, что придает науке деятельностный характер в виде образцов постановки проблем, идеалов научного метода и нормативных результатов поиска.

2. Девиантная наука представляет собой систему отклонений от основных ценностей подлинной науки. Сквозной линией девиации выступает подмена научных норм внеучными ценностями практики и мировоззрения. Деформации науки могут касаться ее идеалов, философских принципов и норм научного исследования.

3. Девиантная наука существует в виде широкого многообразия форм. Одни из них возникли в глубокой древности (астрология, алхимия), другие появились совсем недавно (уфология, парапсихология). И все же по своей сути они едины и являются тем или иным отклонением от идеалов науки. Большинство современных форм девиантной науки возникло на границе науки и мировоззрения. Религия и миф обладают наибольшей деформирующей силой. На это указывают такие феномены, как «христианская физика» (Ю. С. Владимиров), «универсальная термодинамика» (А. И. Вейник) и т. п. Если мировоззренческие идеи, кроме своего абстрактного содержания, привносят ценностный дух (спекулятивность, плюрализм ответов и т. п.), то негативная деформация науки в виде некоторой паразитной формы неизбежна.

4. История науки демонстрирует тенденцию образования различных форм девиантной науки. Их можно классифицировать по степени отклонения от научных принципов и норм: что-то «ближе» (паранаука), что-то «дальше» (псевдонаука).

Теоретическая значимость исследования. Осуществлен системный анализ девиантного знания с выделением его сущностных характеристик, который позволяет провести относительно четкое разграничение подлинной

науки и ее двойников. Выяснено, что девиантная наука представляет собой сложный и противоречивый феномен, который часто понимается некорректно. Наш подход позволяет снять основные противоречия в понимании этого явления. Идеи, основные положения и выводы проведенного исследования способствуют формированию культуры разумного скепсиса у широкой публики и, особенно, у научной интеллигенции (студенты, аспиранты, преподаватели, ученые).

Практическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов и спецкурсов по дисциплинам «История и философия науки», «Онтология и теория познания», «Концепции современного естествознания», «Философские проблемы конкретных дисциплин», «Методология науки», «Наука: подлинная и девиантная».

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и результаты исследования изложены в публикациях и устных выступлениях автора. Апробация материалов диссертации осуществлена в ходе обсуждений на заседаниях кафедры философии и социологии ВятГГУ (г. Киров), в ходе докладов на методологических семинарах аспирантов и преподавателей кафедры философии и социологии ВятГГУ (руководитель доктор философских наук, профессор В. Ф. Юлов); на семинарах «Transzendentalphilosophie / Deutscher Idealismus» в Институте философии ТУ (Берлин) (руководители: доктор К. Асмут и доктор К. Бинкельманн); на IV международной научной конференции «Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России» (Курган, 2008); на Всероссийском семинаре молодых ученых им. П. В. Копнина «Проблема истины в философии и науке» (Томск, 2008); на международной научно-теоретической конференции «Ценности современной науки и образования» (Киров, 2008); на межвузовской студенческой конференции «Гуманитарные проблемы современного информационного общества» (Киров, 2007).

Результаты диссертационного исследования отражены в 8 публикациях, общим объемом 3 п. л., в том числе в научных журналах «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета», «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Специальный выпуск по материалам представительства Центра общественных наук МГУ в Вятском социально-экономическом институте», включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание степени доктора и кандидата наук».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения и библиографического списка, включающего 266 текстовых источников. Объем диссертации составляет 167 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследуемой проблемы, характеризуется степень ее изученности, указывается специфика методологического подхода к исследованию, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи диссертации, излагается новизна научных результатов и положения, вынесенные на защиту, выделяется теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Наука и ненаука: проблема демаркации»** рассмотрены системные отличия науки от других типов познания – практики и мировоззрения; дан анализ современных концепций идентификации научного познания, выдвинутых зарубежными и отечественными авторами; представлена система основных критериев научного познания.

В первом параграфе **«Практическое познание и мировоззрение в контексте науки»** проводится сравнение практического познания и мировоззрения с наукой. Главное отличие заключается в разных целевых установках. Универсальная цель науки – произвести новые знания, реализовать познание ради самого знания. Данная установка также действует и в мировоззрении, но приобретает свою специфику. Освоение действительности осуществляется ради создания духовных ценностей и их осмысления. Практическому познанию свойственна ориентация на конечный результат. Его цели прагматичные, направленные на получение некоторого жизненного блага, на удовлетворение потребностей человека.

Следующее различие у данных типов познания проявляется в особенностях научного метода. В науке методы обладают системной структурой, обусловленной глубоким и целостным содержанием теории. Основой метода в практике являются правило, инструкция, рекомендуемые определенные действия. Спецификой же мировоззрения выступает отсутствие интегрального единства и методологический плюрализм. Научному знанию свойственна четкая дисциплинарная дифференциация. В практике тоже есть некоторая специализация («народная медицина» и т. п.), но ее контуры размыты. Мировоззрение же сочетает эмпирию со спекулятивным умозрением.

В науке, практике и мировоззрении при реализации познавательной деятельности по-разному учитываются такие когнитивные состояния сознания, как вера и сомнение. В практическом опыте приоритетом выступает бессознательная автоматическая вера как полное принятие каких-либо образов и утверждений. Научное исследование характеризуется высокодинамичными переходами веры и сомнения. Ведущая роль отводится сомнению, придающему когнитивным элементам некоторую динамику, что позволяет эффективно расширять границы исследования и познания. В мировоззрении формы веры и сомнения разнообразны так же, как их приоритеты. Если в мифе и религии доминирует вера над сомнением, то в философии господствует сомневающаяся мысль.

У ведущих типов освоения действительности по-разному характеризуется конечный результат познания. На практике успех (неуспех)

указывает на правильность (неправильность) знания. В мировоззрении господствует множественность и неокончателность результатов познания. Такая ситуация не поддается оценке на истинность, и решения сравниваются по другим, духовно-теоретическим критериям. Единая система идеалов и принципов науки позволяет по одной проблеме получить, в конечном счете, однозначное решение. Только к такому знанию применима норма истинности – истинно (ложно).

Содержание второго параграфа **«Современные концепции идентификации научного познания»** составляет анализ проблемы демаркации подлинной науки и девиантной. По мнению некоторых авторов, водораздел между наукой и ее подделками можно провести на основе единичного признака. Такова, например, позиция логического позитивизма, выдвинувшего в 1930-х годах принцип верифицируемости. Следует признать, что редко удастся верифицировать утверждение в строгом смысле, то есть показать, что оно истинно. К. Р. Поппер отверг верифицируемость как признак научности и взамен порекомендовал свой – фальсифицируемость. Однако этот критерий также подвергся критике за то, что позволял придавать некоторым девиантным образованиям научный статус. И. Лакатос предложил критерий прогрессивности, который должен быть применен к целой исследовательской программе. По мнению философа, научная исследовательская программа прогрессирует хотя бы теоретически. П. Тагард также предлагает оценивать теорию на научность по ее прогрессивности. Главное различие между подходами П. Тагарда и И. Лакатоса заключается в том, что последний считал бы регрессивную исследовательскую программу девиантной, несмотря на то, что исследователи упорно трудились над ее улучшением и превращением в прогрессивную. Л. Лаудан отметил, что прогресс возможен и в ненаучных областях, например в философии. Некоторые отрасли науки не имели прогресса в течение нескольких периодов своей истории. Следовательно, критерий роста и прогрессивности не может являться решающим демаркационным критерием.

Несколько подобен Лакатосу и Тагарду ход мыслей и у Д. Ротбарта, который попытался сформулировать метакритерий (адекватное условие) для идентификации науки. Таковым условием является способность гипотезы или теории к проверке, то есть она выбирается как самая предпочтительная для экспериментирования. Т. Кун предложил сконцентрироваться не столько на фальсифицируемости теорий, сколько на их способности решать головоломки. Позиция Куна наиболее четко выражена в противопоставлении астрономии и астрологии. Другие авторы также советуют сосредоточиться на правилах постановки проблем (Синтонен и др.). Очевидно, решение проблем должно обогатить наше знание, способствовать определению и решению дальнейших проблем. Однако и эти рассуждения далеки от критерия демаркации.

Дж. Райш реанимирует идеал единства науки логического позитивизма, хотя не в его редукционистской форме. Он предлагает

идентифицировать различные теоретические и методологические взаимосвязи наук, которые образуют единую сеть, и выдвигает требование апперцепции дисциплины в другие науки. Область знания, которая не может быть включена в существующую сеть общепризнанных наук, разрушая ее, должна быть отклонена, как девиантная. Однако такая демаркация не фиксирует границу науки, а учитывает, что относится к ее сети и что нет.

Некоторые авторы рекомендуют отличать научные формы знания, используя многокритериальный подход, поскольку демаркация на основе единичного критерия не дает адекватного определения науки. Большая работа по выявлению необходимых и желательно-возможных признаков хорошей научной теории была проделана Г. Фоллмером. В качестве необходимых условий у него выступают отсутствие порочного круга в обосновании, внутренняя логичность, внешняя связность (совместимость с большей частью хорошо подтвержденного знания), объясняющая ценность, проверяемость и успешность проверки (подтверждение). Желательными признаками Фоллмер называет предсказуемость и воспроизводимость, а также эффективность (плодотворность) и простоту (экономичность). Для определения научности знания В.В. Ильин использует логические, эмпирические, экстралогические и неэмпирические критерии. В.С. Степин при выяснении природы научного делает установку на исследование законов преобразования объектов, на выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта.

Одну из самых всесторонних характеристик научного познания предложил М. Бунге. Он представляет научное познание в виде комплексного вектора с десятью координатами, которые выступают десятью признаками научности: «С» – научное сообщество; «S» – организация, которая поддерживает действия «С»; «D» – универсум дискурса членов «С»; «G» – философский фон, состоящий из онтологических, эпистемологических, методологических и аксиологических принципов; «F» – формальный фон, совокупность логических или математических предположений или теорий; «B» – знания, заимствованные из других областей знания; «P» – совокупность проблем; «K» – фонд знания, полученный предыдущими и настоящими членами «С» в ходе их познавательной деятельности; «A» – цели членов «С»; «M» – общие и специальные методы (или техники), используемые членами «С» в исследовании.

Анализ современных концепций научного познания позволяет сделать вывод о том, что выработанные философами науки монокритерии и мультикритерии не дают адекватного определения науки. С этой целью можно предложить использовать союз системно-деятельностного и ценностного подходов, который позволил бы идентифицировать научно-познавательную деятельность не по единичным признакам, а по системе гносеологических оснований.

В третьем параграфе **«Ценностные и деятельностные критерии научного познания»** представлена система основных критериев научного

познания. Можно разделить такие критерии на три уровня. Первый уровень – идеалы науки, то есть группа наиболее общих критериев, отделяющих науку от ее девиаций. Они охватывают и пронизывают весь исторический процесс развития и функционирования науки в целом, делая ее единой действующей системой. Выделим их: а) познание ради знания, б) изучение естественных (природных и социальных) объектов, в) объективность истины, г) логическая и эмпирическая обоснованность, д) требование рациональной точности теории, е) прогресс новизны и степени общности знания, ж) признание нового знания дисциплинарным сообществом. Эти идеалы можно считать абсолютными, ибо большинство их возникло в античную эпоху, они присущи всей истории науки и наличествуют в современном исследовании.

Второй уровень составляют онтологические, эпистемологические, методологические, семантические и аксиологические принципы. В качестве онтологических начал называются онтологический реализм, признающий независимый от нашего сознания мир; онтологический натурализм, предполагающий исключительно естественное происхождение всех единиц реального мира; принцип закономерности, в соответствии с которым реальный мир не хаотичен и подчиняется определенным и регулярным связям-законам; принцип причинно-следственной связи, отражающий наличие внутренней существенной связи между объектами и явлениями, когда одно из них является причиной или условием появления или изменения другого; принцип «ex-nihilo-nihil-fit», утверждающий, что из ничего ничто не возникает и ничто не исчезает в небытие. Отметим так же, что существует принцип «не пси». Здесь признается идея о том, что мыслительные процессы не способны прямо и непосредственно воздействовать на вещи. Представленные онтологические принципы не следует рассматривать в изоляции: они должны увязываться в единый комплекс. Онтологический реализм в научном познании предполагает эпистемологический реализм. Последний сводится к идее о том, что реальный мир может быть познан только приблизительно и частично.

Среди методологических принципов выделим принцип экономии, известный как «брита Оккама». Он призывает своих последователей не умножать изучаемые сущности без надобности, в особенности теоретические. Следующий принцип, признаваемый всеми учеными, – фаллибизм. Научное познание не гарантировано от ошибок и заблуждений, поэтому критическое отношение к полученным результатам, их обоснование, проверка и перепроверка обязательны для научного творчества.

Большинство последователей экспериментальных наук утверждают, что их гипотезы, модели и теории истинны, если адекватно представляют действительность. Следовательно, они разделяют точку зрения Аристотеля, которая называется корреспондентной концепцией истины. Конечно, не все так просто, и сложность самого понятия истины ведет к разногласиям философов в её трактовках. Однако научный реализм весьма естественно ассоциируется с корреспондентной концепцией истины.

Следует отметить, что корреспондентная концепция истины дает нам только семантическое понятие «истины». Она ничего не говорит о том, как и, в особенности, насколько истина может быть познаваема, а также не дает нам критерия истины, так как он является вопросом не семантики, а методологии.

Большинство норм науки заложено в ее методологии. Однако не существует четкой границы между методологическими ценностями, нормами и социально-оценочными, моральными предписаниями. Выражение Р. Мертона «этос науки» демонстрирует данный синкретизм, хотя его работа главным образом касается коммуникативных и моральных норм, которые непосредственно не относятся к производству истинного знания. Для того чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что у науки есть внутренняя система ценностей и соответствующих норм, весьма целесообразно рассмотреть их все вместе. Итак, общепризнанны следующие ценности: логические, семантические, методологические и моральные. Среди логических ценностей ведущее место занимают принцип непротиворечивости и принцип отсутствия порочного круга при доказательстве. Вместе с другими нормами убедительного обоснования они являются основными принципами рациональности. Определенность, ясность, и максимальная истинность составляют семантические (смысловые) ценности. К методологическим ценностям относят контролируемость, объяснение (предсказание), воспроизводимость и плодотворность. Эти и другие методологические категории являются главным предметом рефлексии философии науки. Моральные ценности представлены особым критическим мышлением. В науке должны присутствовать разумный скептицизм, готовность перепроверять прежние представления с учетом новых данных и строить теории, зависящие от внешних, поддающихся проверке фактов, непредвзятость (но не абсолютная), объективность (идеи оцениваются независимо от личных, социальных или национальных особенностей их сторонников), признание работ других авторов (например, адекватное цитирование). Вместе система логических, семантических, методологических и моральных ценностей составляет институциональную рациональность науки. Они являются также основанием для институциональной объективности науки. Как следствие, наука свободна от ценностей только в том смысле, что ученые не делают практико- и духовно-ценностных суждений об объектах исследования. У науки не должно быть никакой внешней системы ценностей.

Третий уровень представлен нормами научного исследования. Здесь выделяются требования, специфичные для научной деятельности, научного мышления и результатов научной деятельности (научное знание). Данный уровень позволяет представить науку в деятельностном ключе. Главной целью науки является получение новых и специальных знаний. Она реализуется проблемным способом исследования, где узловыми элементами выступают проблема, метод и результат. Постановка научной проблемы определяется ценностными нормами, объединенными идеалом связности.

Формирование метода, сочетающего в себе теорию, правила и операции, также подчиняется поисковым нормам. Сложность этого процесса делает метод пробным средством, и его применение к проблеме расценивается в виде гипотезы. Решение проблемы конституируется в виде результата, представляющего собой какую-то форму нового знания. Этот продукт оценивается на истинность. В эмпирических науках результаты подтверждаются научным опытом. Кроме того, теоретические решения проверяются логическими и концептуальными нормами. Следует признать, что рассматриваемые критерии предусматривают идеализирующую интерпретацию науки, где многие «ухабы и рытвины» естественно спрямляются. Такой подход для методологии науки имеет свое обоснование.

Во второй главе **«Девииантная наука и ее формы»** дается критический анализ характеристик девиантной науки как отечественных, так и зарубежных авторов, раскрывается общезначимое содержание девиантной науки, выявляются ведущие нормативные отклонения от стандартов науки, предлагается перспективная классификация основных форм девиантной науки.

В первом параграфе **«Альтернативные оценки девиантной науки»** рассматриваются основные характеристики девиантной науки, выявленные отечественными и зарубежными философами науки. Их мнения совпадают лишь в основном и по большому счету. Если П. Тагард выделяет в качестве ведущих отклонений стагнацию, мышление по аналогии, пренебрежение эмпирическими данными, то Л. Лаудан отмечает, что черты, характеризующие двойников науки у П. Тагарда, сегодня свойственны многим наукам. Кроме того, существует значимое затруднение: критерии Тагарда неприемлемы для оценки некоторых девиантных доктрин, например теории З. Фрейда. Он и подобные ему исследователи, на первый взгляд, подчеркивают важность эмпирических доказательств и признают даже критику. Они не мыслят по аналогии, их исследовательские программы не находятся в стадии стагнации. Тагард уточняет, что данные характеристики являются важными индикаторами девиантности, но не необходимыми и достаточными критериями.

А. Лутт рассматривает девиантные науки как радикально ошибочные методы. Он утверждает, что в таких областях исследования эмпирические факты не представляют особой важности, потому что концептуально ошибочная сущность делает их не достойными серьезного внимания. Данная точка зрения аналогична утверждению Д. Ротбарта о том, что девиантные теории не достойны проверки. Если посредством формальной или неформальной логики можно показать, что аргумент или подход ошибочен, то нет необходимости опытным путем проверять гипотезы. Такие рационалистические подходы А. Лутта и Д. Ротбарта, вероятно, будут отвергнуты за их склонность к догматизму. Можно ли действительно объявить а priori некоторую теорию не достойной проверки? Разве эмпирическое подтверждение или опровержение не является заключительным приговором для теории? Например, П. Тагард признает,

что, несмотря на все предыдущие неудачи астрологии, дальнейшие исследования могли бы отыскать для нее эмпирические доказательства, хотя философ считает данную возможность очень маловероятной. Напротив, Б. Каничайдер утверждает, что такого очевидного доказательства не может быть, так как астрология является теоретически настолько дефектной, что даже если бы и были сильные эмпирические связи между расположением звезд, характером человека и его судьбой, то объяснять их без явного участия волшебства было бы невозможно.

А. Дерксен отвергает идею о том, что теории, методы или целые области знания могут быть девиантными. Вместо этого он рекомендует изучать позицию отдельного исследователя. По мнению философа, не теории претендуют на научность, а только исследователи. Точно так же П. Китчер считает псевдоученых психологической категорией. А. Дерксен перечисляет семь пороков исследователя, имитирующего научную деятельность: недостаток убедительного обоснования, необоснованная иммунизация теории, свехискушение сенсационным совпадением, наличие всеобъясняющей теории и магического метода, способность познать истину лишь узкому кругу особо посвященных, некритичность и неадекватность требований. Необходимо отметить, что лишь при наличии всех этих семи нарушений теории или гипотеза считается девиантной.

Стандартные отличия девиантной науки В.Б. Губин усматривает в отсутствии излишней самокритичности, плохой ориентированности в критериях правильности теории; в плохом знании реального состояния науки в области, где пытаются высказать новые мысли; в недопонимании того, что логики и логических построений недостаточно для заключения, что такая-то теория удачно описывает реальный мир; в принятии математики за идеал всех наук в вопросе строгости и доказательств правильности.

Перечисленные выше отдельные характеристики девиантной науки служат важными индикаторами отклонений от принятых норм научности. Они будут полезными для анализа любой теории, метода или области исследования, подозреваемых в девиантности. Однако заключение на основе единичных признаков не дает адекватного понимания девиантной науки. Нужен детальный анализ девиаций на основе системы критериев.

Во втором параграфе «Эпистемологическая сущность девиантной науки: деформации основных ценностей научного исследования» развивается общая концепция девиантной науки. Девиантная наука никогда не ставила перед собой в качестве центральной задачи познание соответствующих областей реальности. У нее, как у магии или технологии, на первом месте стоит прагматическая цель, чаще всего – корыстная. Астрология, например, никогда не сводилась к объяснению действительности. Ее приоритетной установкой всегда было предсказание конкретных земных событий, которое очевидно предназначалось для использования в деятельности отдельного человека или сообщества. Намерения некоторых девиантных наук могут выглядеть когнитивными, однако окончательная их ориентировка антропоцентрическая и

квазирелигиозная.

Большинство девиантных теорий не имеет какого-либо надежного эмпирического обоснования. Последователи таких гипотез пытаются компенсировать качественно плохое доказательство огромным количеством собранных фактов. Например, таким недостатком страдает парапсихология. За время существования данной области исследования не было получено убедительных научных доказательств пси-феноменов. Описываемые очевидцами факты расцениваются с позиции ученых как противоречивые, взаимоисключающие, необъяснимые, логически необоснованные. Уфологи при обосновании своих доктрин также опираются на рассказы очевидцев. При этом часто присутствуют лишь описания личных переживаний. Рассказчики склонны по-своему оценивать факты, подвергая их собственной интерпретации. Последователи девиантной науки легко готовы опираться при доказательствах на веру, в рамках которой научные проблемы трактуются беллетристически.

Девиантное знание не находит поддержки у большинства членов научного сообщества. В свою защиту разработчики не признанных подлинной наукой теорий нередко могут приводить реальные примеры из далёкого прошлого науки, когда учёные, выдвигавшие революционные для своего времени теории, подвергались осмеянию со стороны современников и даже преследовались властями. Например, в качестве аргумента приводят судьбу Галилео Галилея, который преследовался церковной властью из-за своей научной теории, противоречившей утвердившимся представлениям, Николая Коперника и Джордано Бруно.

Самый радикальный отход от онтологической парадигмы в эмпирических науках – супернатурализм. Многие девиантные феномены не обязательно являются сверхъестественными в традиционном смысле, такими, как боги или демоны, а «параестественными» (Куриц). Имеется в виду то, что они несовместимы с натуралистско-реалистической точкой зрения эмпирических наук. Единственный онтологический принцип, редко нарушаемый девиантными науками, – онтологический реализм, трактуемый в широком смысле. Даже самые таинственные явления, признаваемые девиантными науками, считаются, несмотря ни на что, реально существующими.

В качестве следующей характеристики девиантной науки мы рассматриваем использование такого приема мышления, как аналогия. Последователи девиантных наук не устанавливают каузальные связи, они их не способны определить или прямо засвидетельствовать. Например, астрологи считают, что красный цвет планеты Марс подобен крови, и поэтому ассоциативно связывают планету с войной и кровопролитием. Неясно, каким образом цвет Марса связан с воинственностью людей на Земле.

Достаточно очевидно, что двойники науки пренебрегают такими методологическими принципами как «бритва Оккама» (принцип экономии) и фаллибилизм. Согласно девиантным формам познания, Вселенная

населена вымышленными сущностями (часто оккультными). В этом качестве выступают различные жизненные энергии и силы, биолокационный эффект. Очевидно, что такие сущности не подчиняются принципу экономии, единственное ограничение, кажется, состоит в конечности воображения их авторов. Что касается принципа фаллибилизма, то также очевидно, что большинство последователей девиантных наук не желают серьезно рассматривать возможность ошибочности своих знаний и игнорируют важнейший элемент научного метода – исправление ошибок. В результате девиантная наука лишается связи с объектом исследования и превращается в неуправляемый процесс, подверженный накоплению субъективных ошибок. Следует признать, что некоторые девиантные образования, такие, как парапсихология и астрология, допускают некоторую ограниченную коррекцию. Однако эти изменения вызваны не внутренней традицией фаллибилизма, а являются результатом внешней критики ученых.

Многие последователи девиантных наук разделяют корреспондентную концепцию истины, которая является спутником онтологического реализма. Основное различие между подлинной наукой и девиантной наукой заключается в вопросе, что выступает содержательной характеристикой истины. Следует отметить, что в науке это объективность, а в девиантной науке допускаются субъективные элементы: вера, чувство, мистическое видение или другие параестественные формы опыта.

Точность и ясность понятий редко встречаются среди семантических ценностей девиантных наук. Также для них характерна бессмысленность, то есть нонсенс. Необходимо отметить, что ученые иногда слишком спешат называть высказывание ерундой, потому что оно ложно. Однако ложное не может быть нонсенсом, потому что нонсенс не может быть ни верным, ни ложным, поскольку он не имеет никакого семантического значения. Многие научные теории для большинства непрофессионалов непонятны, поэтому часть девиантной теории может ошибочно быть принята за признак подлинной науки.

Многие девиантные науки имеют свои собственные методы, часто расцениваемые философами науки как ошибочные. К ним относят: метод «*a priori*» (бездоказательный, умозрительный прием, где исследование истины независимо от опыта), метод «упрощенной элиминации» (допускается существование двух конкурирующих теорий *A* и *B*, которые являются единственно возможными альтернативами); метод «*anything goes*» (годится все); метод «апелляции к авторитетному мнению»; метод «аналогий» (перенос свойств одного предмета на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении); метод «игнорирования контраргументов» (отсутствие критического настроя). Необходимо отметить, что некоторые двойники науки часто заимствуют и используют научные методы. Например, статистические методы, применяемые в парапсихологии, иногда безупречны. Таким образом, многие девиантные науки, в особенности

парапсихология и астрология, полагают, что использования научных методов вполне достаточно, чтобы придать их области исследования научный статус.

Верным спутником девиантных наук являются нефальсифицируемые гипотезы (Бунге, Поппер, Манер). Одним из примеров таких теорий выступает спекуляция З. Фрейда о том, что некоторые неврозы пациента вызваны неразрешенным эдиповым комплексом (бессознательное чувство ненависти к своему отцу). Если пациент относится агрессивно к отцу, то диагноз подтверждается, проявление любви и уважения можно проинтерпретировать как подавление вражды к отцу по причине бессознательного страха. Таким образом, что бы ни делал пациент, гипотеза психоаналитика будет подтверждена. Она не фальсифицируема в принципе.

В девиантных науках спектр проблем обычно невелик и главным образом носит практическую направленность, такие области исследования фактически представляют собой безрезультативные действия, имитирующие форму результативных. Прежде чем установить методологические дефекты в формах знания, мы должны ответить на важные вопросы. Какие другие проблемы, кроме своих собственных, решает или помогает решать данная область исследования? Имеют ли они естественное происхождение или искусственно сфабрикованы? Например, астрология, главным образом, решает только те задачи, которые выдвинула сама, а гипотеза Э. фон Даникена – только проблемы псевдоархеологии, являясь абсолютным паразитом на существующих научных проблемах других областей исследования.

Девиантную науку часто критикуют за отсутствие в результатах исследования рационального единства и нарушение норм когнитивной связности. Результатом исследования может стать знание с признаками «великого открытия»: перевороту подвергается не какой-нибудь один вопрос, а сразу все результаты науки (Мигдал). Налицо нарушение нормы науки, требующей рационального согласования новой гипотезы со сложившимися и уже обоснованными массивами знаний (принцип соответствия). Многие девиантные гипотезы не удовлетворяют этой норме и демонстрируют излишнюю экстравагантность. В таком же положении находится множество гипотетических концепций из ряда научных дисциплин: идея российского ученого А. Г. Гурвича о биополе, теория английского биолога Р. Шелдрейка о морфогенетических полях, гипотеза российского историка Л. Н. Гумилева о влиянии географического ландшафта на становление личностей-пассионариев и многое другое.

Следующей характеристикой девиантных теорий является чрезмерная сложность её конструкций. Например, теория астрологии включает в себя несколько концептуальных подсистем. Психоанализ З. Фрейда представляет собой также крайне противоречивое учение, в котором факты сосуществуют с домыслами, язык строгой науки совмещается с языком иносказаний и образов, причем в большинстве случаев позитивные моменты не даны в теории Фрейда в чистом виде. Они сплошь и рядом затемнены и искажены

терминологическими ухищрениями, произвольными заключениями и непроверенными гипотезами. В девиантных науках научные гипотезы используются «не по своему назначению», то есть за рамками их предметной области (принимаются гипотезы *ad hoc*). Вероятно, чаще всего заимствуется из науки квантовая теория, которая стала объяснительной панацеей для многих девиантных наук.

Девиантные науки представляют собой изолированные области исследования. У них отсутствует стремление к образованию единой системы знания, в частности они не пытаются установить настоящую связь с подлинной наукой. Девиантное знание в силу своей необоснованности отклоняется и не в состоянии обогатить научное знание. Кроме того, оно часто находится в конфликте со сложившимся массивом научного знания. Если бы девиантные теории были верны, то их научные альтернативы, включая те теории, с которыми они связаны, были бы ложными. Таким образом, подобные теории, став причиной глобальных революций, разрушили бы весь фундамент научного знания, включая научную парадигму. В отличие от этого, современные научные революции, если таковые вообще имеются, будут только локальными или региональными революциями, потому что слишком многие вещи, которые стали известны в течение прошлых 400 лет, являются обоснованными и поэтому должны быть, по крайней мере, приблизительно истинными. Примерами областей, призывающих к глобальным революциям, является креационизм и парапсихология.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что девиантная наука представляет собой систему отклонений от основных ценностей подлинной науки. Девиации присутствуют на уровне идеалов, философских принципов и норм научного исследования. Деформации познавательных ценностей науки неравнозначны по своей сути. Например, отклонение от идеалов и некоторых основных философских принципов расценивается как более серьезный недостаток, чем недочеты в методах, которые более легко устранимы.

В третьем параграфе **«Многообразие форм девиантного познания. Протонаука и иноверие»** представлена расширенная типология девиантной науки. Вокруг современной науки возникла целая группа феноменов, которые пытаются ей подражать и выдавать себя за научные направления. В силу значительного разнообразия необходима классификация форм девиантного познания. В философии науки были предприняты попытки сгруппировать данные образования В. В. Ильиным, В. А. Леглером, М. Манером, Н. И. Мартишиной, Дж. Холтоном, С. П. Щавелевым и др. Следует признать, что данные классификации являются относительно узкими и не позволяют учитывать некоторые формы знания. Эти знания по своей сути такие же дефектные, как классические девиантные науки, но не заявляют о своих правах на научность, а только включают некоторые (часто традиционные) теории об определенных проблемах (традиционная китайская медицина, индийская теория чакр, теория реинкарнации). Многие

формы познания в обширном мире эзотерики, оккультизма также не претендуют на научность. Никто не будет называть ученым шамана, лечащего своих соплеменников. Вполне возможно, что в языке его народа даже нет слова «наука». По этим причинам целесообразно употреблять обобщенное понятие, которое позволит учитывать отклоняющиеся от подлинной науки формы знания с претензией и без претензий на научность. С этой целью мы предлагаем использовать термин «девиантная наука». Он объединяет следующие понятия: паранаука, экстранаука, псевдонаука с претензиями на научность, псевдонаука без претензий на научность.

Паранаука. Это некая «периферия» научного познания, научная «экзотика», которая действительно выглядит как когнитивная (но не социальная) прослойка между наукой и околonaучными системами воззрений, такими, как религия, здравый смысл и т. д. Типичным примером паранауки выступает парапсихология. Можно допустить, что некоторые положения парапсихологии со временем войдут в состав нормальной научной психологии, при условии, конечно, их радикального переосмысления.

Экстранаука. Термин введен для обозначения точки зрения ученого, радикально отличной от позиции, общепринятой в данный период философии и реализуемой исследователем на уровне фундаментальной теории. Примером экстранауки выступает «христианская физика» Ю. С. Владимирова.

Псевдонаука с претензиями на научность. Это деятельность, имитирующая науку, но по своей сути таковой не являющаяся. Данную форму знания можно разделить по видам деятельности на практико-ориентированную псевдонауку и поисковую псевдонауку. Первый вид обозначает безрезультативные действия, имитирующие форму результативных. Данный вид очень разнообразен. Псевдонаучная «тень» имеется едва ли не у каждого раздела естествознания и обществоведения. Другой вид псевдонауки с претензиями на научность – поисковая псевдонаука. Речь идет о фиксации неопознанных летающих объектов (НЛО), поисках «снежного человека», бермудского треугольника, пропавших людей и т. п. Идеал чистого поиска здесь может присутствовать, но, как правило, он подогревается жадной сенсационности для СМИ. Поисковая псевдонаука, как правило, оперирует не фактами, а артефактами (искусственными феноменами).

Псевдонаука без претензий на научность. Этот вид познавательной деятельности не содержит даже намеков на сходство с наукой. Здесь предполагаются феномены типа шаманизма, колдовства. Такие формы познавательного освоения действительности максимально удалены от научного познания, их ценностную основу составляют предфилософские формы мировоззрения: анимизм, магия и т. п.

Для понимания сути девиантной науки целесообразно рассмотреть такое явление как «патологическая наука». Данный термин был предложен И. Ленгмюром. Речь идет о процессе в науке, когда ученые фальсифицируют

результаты исследования, принимая желаемое за действительное. По мнению исследователя, это наука о явлениях, которых на самом деле нет. В данном случае не приходится сомневаться в персональной честности исследователей, которые были введены в заблуждение и пришли к неправильным результатам из-за того, что они не понимали, насколько далеко могут увести человека от истины субъективные эффекты, предвзятые мнения или пороговые взаимодействия. Примерами патологической науки являются «N-лучи», «поливода». Следует признать, что и в девиантных науках могут существовать элементы знания, которые не обязательно будут ложными, например акупунктура (иглоукалывание).

Необходимо отметить, что точный статус некоторых форм знания определить весьма сложно. Во-первых, часто появляется желание отклонить гипотезу как девиантную в силу ее неортодоксальности, хотя на самом деле она может оказаться протонаучной (гипотеза дрейфа континентов А. Вегенера). Во-вторых, некоторые формы знания, которые на сегодняшний день считаются девиантными, возможно, раньше были протонаучными (френология). Таким образом, отнесение форм познавательного освоения действительности к девиантным должно происходить на основании детального анализа деформаций ценностного ядра науки.

В **Заключении** представлены основные результаты настоящего исследования и сформулированы перспективы дальнейшей работы над данной темой.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Уткина, Н. В. В поисках критерия демаркации научного знания [Текст] / Н. В. Уткина // Вестник ВятГГУ. – 2008. – № 4 (4). – С. 53–56.

2. Уткина, Н. В. Критерии научного познания [Текст] / Н. В. Уткина // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Специальный выпуск по материалам представительства Центра общественных наук МГУ в Вятском социально-экономическом институте. – М., 2006. – С. 84–88.

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов, материалах конференций:

3. Уткина, Н. В. Алхимия как синкретизм мировоззрения, практики и научного исследования [Текст] / Н. В. Уткина // Ценности современной науки и образования: материалы международной научно-теоретической конференции (г. Киров, ВятГГУ, 3–4 апреля 2008 г.) в 2 т. Т. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 74–77.

4. Уткина, Н. В. Методы парапсихологии [Текст] / Н. В. Уткина // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: материалы межвузовской студенческой конференции (Киров, ВятГГУ, 5 апреля 2007 г.). Вып. 4. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 71–74.
5. Уткина, Н. В. Методологические ценности в науке [Текст] / Н. В. Уткина // Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России: материалы IV международной научной конференции (Курган, 10–11 апреля 2008 г.) – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. – С. 16–17.
6. Уткина, Н. В. Нормы науки [Текст] / Н. В. Уткина // Проблема истины в философии и науке: сборник Всероссийского семинара молодых ученых им. П. В. Копнина: труды Томского государственного университета. – Т. 270. – Сер. философская. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2008. – С. 151–153.
7. Уткина, Н. В. Паранаука в социокультурном контексте [Текст]: сборник статей / Н. В. Уткина // Сознание – мировоззрение – мышление. Вып. 9. – Киров, 2007. – С. 34–36.
8. Уткина, Н. В. Является ли парапсихология наукой? [Текст] / Н. В. Уткина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: «Грамота», 2007. – № 2 (2). – С. 233–234.

Подписано в печать 13.04.2009 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,3.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1181.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674